

А. С. ДЕМИН

Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв.

Различные древнерусские эпистолярные сборники, формулярники и письмовники содержат огромное количество отрывков анонимных посланий. Большая часть отрывков довольно однообразна по своей тематике, композиции, формулам, и только в очень немногих встречаются образное описание лиц и событий, заимствованное иногда из литературных произведений, и нешаблонное выражение авторских чувств.

Укажем на три типа таких отрывков: отрывки из посланий к царям, отрывки из посланий о несчастьях и бедах, отрывки из любовных писем.

В формулярном сборнике ГПБ Q.XVII.50 второй половины XVI в., на л. 101 находится небольшой отрывок из послания к царю, озаглавленный «Похвала». Адресат «Похвалы» назван по имени: «...царь мудрый, божий слуга, князь великий Василей Иванович всея Руси». Несомненно, это Василий III, являющийся для автора современником, так как автор обращается к царю в настоящем времени и говорит о современном положении Руси: «Ты еси мудрая держава, искони бе, самодержавный государь ты еси!»; «Есть бо по всем морем и островем грозная твоя и крестная херурви. Их же боятца латынстии языци — литва, ляхи, немци — и всяко бесерменское племя». Таким образом, «Похвала» относится ко времени царствования Василия III, к 1505—1533 гг.

Более узкая датировка «Похвалы» предположительна. Автор подчеркивает, что татары боятся нападать на Русь: «Еще бо грозы твоя боятца и не кочуют сильные орды на Рускую украйну, на твою вотчину государеву». Для тех лет подобное заявление вряд ли могло быть «общим местом». При Василии III татары нападали на Русь почти ежегодно. «Похвала» появилась, по-видимому, в какой-то спокойный период, когда крупных набегов татар на Русь не было. Наиболее подходящим для сочинения «Похвалы», по нашему предположению, мог быть период 1517—1521 гг.: после большого разгрома татар у Оки летом 1517 г., но до нашествия крымского хана Мухаммед-Гирея летом 1521 г., дошедшего до стен Москвы.

Литературная ценность обнаруженного отрывка заключается в том, что восхваление царя здесь осложнено зловещим образом «дикого поля» — пристанища врагов Руси: «Тии бо исчезают по темным нырищам¹ дикаго и глубокаго поля».

¹ Нырище — развалины башни, ныра, или здания. Такое старшее значение слова указано в известных словарях И. И. Срезневского, А. Х. Востокова, имп. Академии наук, Г. Е. Кочина, А. Г. Преображенского, В. И. Даля. Развалины башен или каких-то строений в первой половине XVI в. в «диком поле» действительно были. См., например:

Отрывок из другого послания к царю находится в формулярной части сборника ГПБ, собр. Петербургской духовной академии, № 430, второй половины XVI в., на л. 43 об. Неясно, какой именно царь мог первоначально подразумеваться в послании, но присутствие отрывка из послания к царю в данном формулярнике вполне естественно, так как целый ряд посланий формулярника посвящен борьбе с врагами Руси — с «неверными».

Оба отрывка из посланий к царям текстуально друг от друга не зависят, но композиционно полностью сходны, вплоть до отдельных выражений. Начинаются оба отрывка сопоставлением царя с Владимиром, внуком Игоревым, сыном Святослава. Затем говорят о святом крещении Руси, процветании православия с тех пор и расширении русского царства по морям и островам. Затем касаются борьбы с татарами: так, во втором отрывке царя восхваляют за расширение православия «по улисом» (улусам) и «избавление языческаго нашествия». Наконец, оба текста, упомянув об изгнании врагов Руси, заключаются похвалой силе и мудрости власти царя.

Интересно, что обнаруживается еще один отрывок XVI в. из послания царю, повторяющий сходные темы и формулы. Это отрывок из «послания» турецкого султана к Ивану Грозному, приводимый в «Казанской истории»: «О сем же паче великий салтан турский похвалная написа ему сице: „Воистинну ты еси самодержец и царь мудрый, верный и волный божий слуга. Удивляет бо нас и ужасает превеликая твоя власть, и слава, и огненная твоя хоругв прогоняет и поплоняет воздвижующихся. Уже отныне вси боятся орды наши, на твоя пределы наступати не смеют“».²

Подобное сходство наводит на предположение, что в XVI в. на Руси существовала какая-то литературная норма для посланий, восхвалявших царя за успешную борьбу с татарами, норма, которая, возможно, была частью традиции антитатарских и антитурецких произведений русской и славянских литератур XV—XVII вв.³

* *
*

Послания о несчастьях, бедах, страданиях и горестях людей охотно используются в эпистолярных сборниках, оживляя, в частности, однообразно-приветственные материалы формулярников и письмовников. Обычно используются послания о несчастьях личного характера, чаще всего, пожалуй, письма сосланных, опальных, постригшихся в монастыри.⁴

Но встречаются, хотя и редко, отрывки из анонимных произведений об общегосударственных бедах. Так, в письмовнике первой четверти

В. Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы. — Ученые записки Московского гос. университета, вып. 61. М., 1940, стр. 5—7.

² Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, стр. 73. Ср. «Похвалу царю» (там же, стр. 175—176).

³ Об антитурецкой теме в литературах см.: И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963, стр. 57—58, 109, 124, 154, 178, 190, 308, 318—320 и др.

⁴ Одним из интереснейших среди посланий этого типа является послание неизвестного эмигранта к новгородскому архиепископу Макарию 1526—1542 гг., изученное В. Ф. Ржигой и А. А. Зминым. См.: В. Ржига. К вопросу о западном влиянии в русской литературе первой половины XVI в. — В кн.: Юбилейный збірник на пошану акад. М. С. Грушевського, т. 2. Київ, 1928, стр. 231—236. А. А. Змиин. Общественно-политические взгляды Федора Карпова. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 170—172.

XVII в. ГПБ О.XV.2, на лл. 17—18 об., в образцовое послание от игумена к отцу духовному вставлен отрывок из какого-то произведения о «Смутном времени». Отрывок совершенно не связан по содержанию с посланием. Написан он не позднее окончания «Смуты», так как в нем оплакиваются несчастья русской земли, еще не закончившиеся, продолжающиеся до «днесь»: «...яко же днесь збысться по всей великой России ... кровь, яко вода, проливаема повсуду, ото поганых безбожных литвы, паче же и от своих поседаеми».

Стилистически отрывок не дает ничего нового сравнительно с произведениями о «Смуте». То же изображение несчастья как «поколебания и разорения» привычного, извечного порядка в жизни множества людей: монахи, постоянные затворники, убегают теперь из монастырей; мирские люди, жившие оседло, бродят теперь по «дальним странам»; чадолубивые матери лишаются чад; ранее хранимые ценности уничтожаются и т. п. То же перечисление пожигаемых, рассекаемых и отнимаемых врагами богатств Русской земли, сопровождаемое горестными восклицаниями автора, и тот же образ «поганских рук», в которые «мнози впадоша».

Другим примером использования посланий об общественных бедах может служить небольшая выписка из неизвестного публицистического послания, приведенная в письмовнике первой трети XVII в. (ГПБ, Софийское собр., № 1546, л. 110). Автор протестует против мздоимства в приказах: «Зри ж и сего: и в приказах лукавии действуют, ваше государьское и земское дело на корысть свою променяют, и многие мздою, надеясь на лукавыя понаровки, накупаются, на горшее преспевают, на прежние свои мирогубительные обычаи безстрашно поступают. Которые и прежде для своей корысти и тщеславия разоренье вере и попрежение вере чинили, те же и ныне ухищрением и за мзду понаровлением дерзновение имут, у православных крестьян последнее богатство всячески имат, тем жратвы своя простират. А иные, завидя на лукавых, время всеу и лжу прелщаются, мир продают немерным мздоимством». Неясно, о каком времени речь идет в отрывке, — возможно, о периоде после «Смуты».

* *
*

Любовные послания или отрывки из них встречаются в сборниках очень редко. Известно, например, стихотворное любовное послание около 1669 г., найденное Д. С. Лихачевым в письмовнике из сборника ГПБ, собр. Титова, № 1121.⁵ Добавим, что послание написано по акростику, в котором читается имя автора — Митрофан.

В письмовники попали и более ранние образцы любовных посланий, написанные прозой и датируемые началом XVII в. К ним относятся образцы посланий от отрока к отроковице — «непрестанныя любве» — и от отроковицы к отроку: «...яко же огнем сердце мое поपालеши и образом прекрасным составы моя сумняеши, яко стрелою, утробу мою уязвляеши, веселым же зрением и словесы медоточными душу мою возвеселяеши, и лепыми устами расслабляеши все тело мое».⁶

⁵ Д. С. Лихачев. Любовное письмо XVII в. — Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, т. 67. Л., 1948, стр. 38—39.

⁶ См. сборники: БАН, собр. Никольского, № 45, начала XVII в., л. 125—125 об.; ГПБ, Софийское собр., № 1546, первой трети XVII в., л. 116—116 об.; Калининского педагогического института, № 1 (29), середины XVII в., лл. 7 об.—8; ЦГАДА, собр. Рукописного отдела Московского гос. архива бывш. Министерства иностранных дел № 914, конца XVII в., лл. 6 об.—7. Ср. также образец послания «К невесте ко отроковице» в сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 848, первой половины XVII в., л. 413

В дошедших древнерусских любовных посланиях, как правило, нет слишком откровенных упоминаний о любви, свиданиях, поцелуях и пр. Пол адресата также зачастую неразличим, если нет соответствующего заглавия. В сборники предпочитали переписывать, по-видимому, такие послания, в которых «плотские» признания выражались не явно, затушевываясь темой духовной любви. Поэтому когда автор говорит о своих сердечных страданиях, вызванных «сладостной» внешностью адресата другого пола, то нередко трудно бывает определить, любовное или только «дружеское» послание перед нами.

С этой точки зрения представляют интерес три образца посланий инока к инокине, списанных мельчайшей скорописью в кирилло-белозерском письмовнике ГПБ Q. XVII. 67, самого начала XVII в., на лл. 212 об. — 213. Последнее из этих посланий, возможно, любовное.⁷

В первом послании автор, уже будучи иноком, пишет инокине о том, что он хочет успокоиться от каких-то мирских переживаний, «достигнути в пристанище зело волнящагося и возвышающагося преизлиха, паче превысоких гор, сверпаго и многомятежнаго моря мирскаго». Из второго послания узнаем имя автора. Он подписался тайнописью: «...ничто же сый к десятосугубну двосотно со осморичным и к шестьсотну десятично со единицею кланяюсь», т. е. 10, 10, 200, 8, 600, 10, 1 — Исихія. Возможно, этот Исихия, так хорошо сказавший о «сверепом» море мирском, и написал третье, как нам думается, любовное послание.

В послании восхваляется благочестие и непорочность молодой инокини, «краснейшей и сладчайшей паче всех сверстниц, в ту сущем месте иночествующих». В этом нет ничего необычного. Но конец письма производит другое впечатление. Автор заканчивает письмо, признаваясь в каком-то своем «желании», от которого ужасается его «мысль». «К тебе же паки желание привлачит мя. Како изображу лица твоего радостное, и красоту, и честное ти хождение, старческое мудрование во юнотнем теле... Мысль моя убо ужасается, сердце же подвизается, и язык связуется. Не могу удержати сладости, побеждаюся всеми неизчетно добрыми ти и изступаю умом. Побеждает же мя желание». Подобный конец заставляет думать, что инок не смог остановиться на изъявлениях только духовной любви к инокине.

Ниже публикуются два отрывка из посланий к царям, отрывок из произведения о «Смутном времени» и третье послание инока к инокине.

Отрывок из послания Василию III

Похвала. Той убо явися таков, яко же ты, в благочестивых естество прародителех твоих сын Святославль, внук Игорев, Владимир. Той убо крести Рускую землю святым крещением. И оттоле процвете православие. Есть бо по всем морем и островеи грозная твоя и крестная херугви. Их же боятца латынстии языци — литва, ляхи, немци — и всяко бесерменское племя. Тии бо исчезают по темным нырищам дикаго и глубокаго поля. Еще бо грозы твоя боятца и не кочюют силные орды на Рускую украину, на твою вотчину государеву, царь мудрый, божий слуга, князь великий Василей Иванович всея Руси. Ты еси мудрая держава, искони бе, самодержавный государь ты еси!

(ГПБ, Q. XVII. 50, л. 101).

⁷ К Кирилло-Белозерскому монастырю был приписан, например, женский монастырь воскресения Христова. См.: Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, вып. 2. СПб., 1900, стр. 224.

Отрывок из послания царю

Кто убо, по пророку, во святых божественных светлостех п ... де^а и предвари, яко же ты, о христелюбивый и высокостольнейший царю! Благочестив, благоверен, вседержитель славы, в прародителях своих поколея^б царьской яности, яко же сын Святославль, внук Игорев, славнодержавный Владимир равноапостолний, свидетель во Христа и бога нашего благоверием показася, нашему спасению вина, иже убо иногда, яко Иван креститель, иудею галелейскаго древле языка на крещение грядущу прият. Тако и сий Владимир, нарицаемый Василей, новый Иван Креститель бысть: словяны же, и поляны, кривичи же, и плесковичи, и всю великую Русию, племя Афетова, сына Ноева, богословия ся утробю и действием святого крещения породил. Оттуду бы и донныне, чрез многая лета и времена, по приятием святых учений, яко же и днесь в твое христолубивое царство, верное православие всюду расширяемо цвѣтет яко же и посуху, и по морю, и по островам, и по всем градовом, и по улисом по данней ти благодати. Повеле бог всем странам твоим строением питатися и от твоего благоразумна всякоя требовати потребности о устроении святых божиих церквей, и о народнем пребывании, и о избавлении языческаго нашествия. Да не точию вящшее миру правило, но и малы нецы суть страстныа жалости в твои царьския слухи внушающесе кояждо своим страстем разрешение получаху.

(ГПБ, собр. Петерб. дух. акад., № 430, л. 43 об.).

Отрывок из произведения о «Смутном времени»

Слышах бо в нынешняя времена, каково бысть поколебание и разорение Росийскаго государства многим градом и в них живущим православным людем и какова им бысть велиа беда, и теснота, и гонение, иже нам и детем насилование и безчастие, яко даже неслыханно и от родов и в летописцех мало обретающесе, яко же днесь збытсся по всей великой Росии, како содеяшася. Кто не восплачет, тако слышах и паки видех! Грех ради наших пленуеми и пожигаеми, и церкви божия разоряеми, образы божии поругаеми, и утварь, злато, и сребро, и камение господьное, и бисеры драгие отъимаеми, тако же и святыи иконы безчестуеми, и раки святыи л. 18 златые и серебряные рассе||каеми. И мню, о преподобный отче, яз грешных яко во многих местех болезнено от сердца стенающе, восплакашася, тако рекоша: «Где днесь красота церковная, и образ божий, и святых икон образы честные, и драгие, и злати, и сребрении, тако же и сосуди церковныа, и ризы многоценныа, и где красни гласи камбальныи, и где хлеб животный, слово божие, и книги церковныа и апостольские, и святых отец наказание и учение?».— Все в разхищении бысть. Христьяне же православнии посещаеми туне, и кровь, яко вода, проливаема повсуду, ото поганых безбожныа литвы, паче же и от своих посещаеми, и раззоряеми, л. 18 об. и поругаеми. И таковое в человецех || неистовое дерзновение и мерзостное на земли творение содеяшася, яко и поругание древнее содомское исполняюще: злии человеци злое дело соделовающе; иноцы же от святых обителей и ото обещаний своих отбегоша, яко щурове, отлетеша; мирстии же человеци в дальних странах крыющесе, своих же и детей не знающе; тако же и матери своих чад лишаеми, плачущесе, и чада — матерей своих, тако же плачущесе; инии же мнози пленени быша, и в поганския рука впадоша, и от православныа веры в чюждую в поганскую веру заведены быша.

(ГПБ, О. XV. 2, лл. 17—18 об.)

Послание от инока к инокине

Благу и бес порока приязнь имущу ко убогим нам, преукрашенной невесте безсмертнаго жениха, юностну виду, краснейшу и сладчайшу и честнейшу паче всех сверстниц, в ту сущем месте иночествующих, очи ко всех творцу всегда имеюще, и зрящей свет непреступный, ушима же слушающе божие слово всегда и радующеся, устнем хваляща господа всегда и к своим привлекающе того устам, языком же и гортанем словеса божиа разсуждающе и божественую сладость множаще, сердце чисто и несквернено имеюще, желающе бога невидимаго, питанию неизнуряему, вину веселиа, девственую красоту, лица^а добротное, языка хвальное, душа благородие, житиа непорочное, удобрение нрава, образа лепотное, плодовицей маслице в духовных, вести всякоя пречестну дарованию, красному преукрашену украшению, и добрых превелику удобрению, сладчайшаа плотныя ти матере души. К тебе же паки желание привлечит мя. Како изображу лица твоего радостное, и красоту, и честное ти хождение, старческое мудрование во юностнем теле, всегда вредящаго и мягкости отбегание? Родителем плотным и наставнице иже во иноческих добродней, покорливой, и послушливей, слово кротко от несмутны души произносящей. И что ино реку? Точию святаго духа жилище. Устне твои сот искаплют, мед и млеко под языком твоим. Но како и еще изреци дерзну? Мысль моя убо ужасается, сердце же подвизается, и язык связуется. Не могу удержати сладости, побеждаюся всеми неизчетно добрыми ти и изступаю умом. Побеждает же мя желание».

(ГЛБ, Q.XVII.67, лл. 212 об.—213).

^а В ркп. лиц.